

Прогресс, 1980. – 447 с. *Чанышев А. Н.* Аристотель / Арсений Николаевич Чанышев. – М.: Мысль, 1981. – 200 с. *Черемисина Н. В.* Семантика возможных миров и лексико-семантические законы / Н. В. Черемисина // Филологические науки. – 1991. – №2. – С.111-117. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко. – ТОО ТК: “Петрополис”, 1998. – 432 с. *Benovsky J.* Branching versus Divergent Possible Worlds / Jiri Benovsky // Kriterion. – 2005. – №19. – P.12-20. *Fauconnier G.* Mental Spaces / Gille Fauconnier // Geeraerts D., Cuyckens H. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P.351-376. *Kripke S. A.* Naming and Necessity / Saul A. Kripke. – Harvard: Harvard University Press, 1980. – 172 p. *Lewis D. K.* On the Plurality of Worlds / David K. Lewis. – Oxford: Basil Blackwell Publishing, 1986. *Loux M. L.* Modality and Metaphysics / Michael L. Loux // The Possible and the actual: readings in the metaphysics of modality. – Oxford & New York: Cornell University Press, 1979. – P.15-64. *Lycan W. G.* The Trouble with Possible Worlds / William G. Lycan // M. L. Loux The Possible and the actual: readings in the metaphysics of modality. – Oxford & New York: Cornell University Press, 1979. – P.274-293. *Lycan W. G.* Real Conditionals / William G. Lycan. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 240 p. *Menzel Ch.* Possible worlds / Ch. Menzel // An Account of Abstract Possible Worlds // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cmenzel@tamu.edu>. *Reischer N.* The Ontology of the Possible / Nicolaus Reischer // M. L. Loux The Possible and the actual: readings in the metaphysics of modality. – Oxford & New York: Cornell University Press, 1979. – P.166-181. *Reischer N.* Reason and reality: realism and idealism in pragmatic perspective / Nicolaus Reischer. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. – 169 p.

ХАРЧЕНКО В.К.

(Белгородский гос. ун-т)

ФИЛОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ: КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЮ СОЦИУМА

This paper reveals the possibilities of applied philology to take part in solving demographic problems by means of folklore, apt citations from works of art, everyday colloquial speech, and students' essays on family history. A tandem approach used to posing a problem and collecting sources discovers some new possibilities to affect on society by concerned efforts of philology with psychology, valeology and medicine.

Keywords: *colloquial discourse, work of art, folklore, essays on family history, correction of sets, precedent, psychotherapeutic effect.*

В современной гуманитаристике кластерный подход (при уже занятом другими науками термине «кластерный анализ») используется как минимум в двух проекциях: как исследование кластеров (групп, микросистем) и как оживление межпредметных, междисциплинарных, межотраслевых связей.

Первая проекция интересна и полезна тем, что при новом своем «кластерном» заголовке в интерпретации материала поощряет искать нечто новое, синергетическое (самонастраивающееся, нелинейное).

Второй подход интересен и полезен тем, что требует не столько традиционной декларации межпредметных связей, сколько получения новых векторов усилий, открывающихся при заходе в далекие от того, чем ты занимаешься, области знания. В этом плане мы и попробуем сформулировать вопрос так: что может дать прикладная филология такому направлению медицинских знаний, как акушерство и гинекология с их прямым выходом на решение демографических проблем. Причина многовековой престижности медицины (и юриспруденции!) кроется в первую очередь в прикладном аспекте этих отраслей науки: люди болеют, люди враждуют, страдающей стороне нужна помощь. Зачем нужна филология, и так ли уж нужна «эта самая» филологическая культура, и может ли филология по-своему помочь заболевшему, сказав свое слово в дополнение и в поддержку уже сказанного и сделанного медициной, – вопрос до сих пор не проясненный и, следовательно, будто бы и не существующий. Столь же острый вопрос: может ли помочь филология решению демографической проблемы, все обостряющейся в цивилизационных культурах современности.

В основу авторской методики применения кластерного подхода к решению проблемы в рамках прикладной филологии был положен принцип равного, равновесного внимания а) к свидетельствам художественной литературы, б) данным фольклора; в) текстам семейных родословных, г) записям живой разговорной речи. Запись живой разговорной речи осуществлялась практически в момент ее произнесения, точнее в интервале одной-двух минут после прозвучавшей реплики. Использование диктофона, как это ни парадоксально, было затруднено по этическим соображениям: нужно было получить предварительное согласие потенциальных аудиторов. Собранные данные систематизировались, обрабатывались, заносились в компьютер. При всей простоте постулируемой сейчас «методики» сбора материала (записи чужих реплик, фрагментов диалога), эта методика при постоянной ее применении оказывалась весьма непростой, так как малейшее временное отдаление от «события реплики» оказывалось роковым: память исследователя начинала редактировать услышанное, подстраивать под свои ожидания, приходилось мучительно «вспоминать», например, а в том ли порядке стояли слова в высказывании. Анализ лично собранного (2002-2009) архива семейных родословных также потребовал поиска фрагментов текстов, отвечающих проблемам здоровьесбережения и заботы о потомстве. Художественные тексты привлекались в широком охвате: как классические, так и малоизвестные.

Мы ставим вопрос о филологе-прикладнике. В проекции на психиатрию такой вопрос поднимает Р.М. Фрумкина в своих статьях, предупреждающих от примитивных оценок чужого психологического, часто граничащего с психиатрией, состояния [Фрумкина 2004, 2008]. В последние годы в фундаментальной науке появляются интереснейшие исследования болезни как метафоры [Тхостов 1993; Сонтаг 2003], родового дискурса [Родины... 2001], философии патопсихологии с литературоведческими проекциями и «отступлениями» [Руднев 2005]. В современной патографии приводятся [Богданов 2005]. А тот факт, что Лев Толстой остается крупным специалистом по художественному отражению беременности и родов, как и то, что Ф.М. Достоевский остается непревзойденным специалистом по художественному отражению психопатических состояний, – факты давно и хорошо

известные. Приведем всего лишь один пример точности художественного отражения материнства в известном романе «Война и мир». Любой женщине, вскормившей ребенка грудью, знакомо внезапное ощущение «прихода» молока перед предстоящим кормлением, тем удивительнее это короткое, но точно подмеченное писателем «Пришло» в диалоговой реплике Наташи Ростовской.

Проблема «захода» в зоны традиционного филологического знания представителей других наук отнюдь не нова. Мы же ведем разговор о противоположном векторе: имеют ли право филологи привносить свои свидетельства в область той же медицины, психологии семейной жизни, демографии. Мы ведем разговор о том, что в сугубо прикладном аспекте, например, науки о здоровом образе жизни мы еще слабо используем возможности филологического знания. Исключением здесь являются разве что пословицы: *В зимний холод всякий молод. Умирает не старый, но поспелый. Кисель зубам не порча. Выспишься – помолодеешь.*

Попробуем обратиться к филологии, выстраивая следующий кластер (теперь уже в первом значении из приведенных в начале статьи), а именно: помогающие женскому здоровью и деторождению а) данные фольклора (далее: ФОЛЬКЛ.), б) цитаты из художественных текстов (ХУДОЖ.), в) свидетельства семейных родословных, текстов сочинений «История моей семьи» (ИМС), г) записи устной разговорной речи, высказываний врачей-профессионалов и их пациентов (РАЗГ.). Это по горизонтали анализа. А по вертикали вступления семьи протянем нить: любовь – супружество – зачатие – беременность – рождение ребенка.

Начнем с любви и супружества. Изучая в школе, а позднее на филологическом факультете педагогического вуза чеховскую «Душечку», юные души и сердца незаметно впитывают и насмешливую, и жалеющую интонацию текста (Чехов чужд однозначности!). Обе интонации негативны: жалеющая – значит жизнь не удалась, насмешливая – значит героиня неумна в своем поведении. В филологическом знании последних лет открытием стала иная трактовка образа, в поддержку которой была приглашена героиня известного романа И.А. Гончарова. В своей публикации литературовед Владимир Холкин после «анализа» Оленьки Племянниковой обратил внимание на другую героиню отечественной литературы – Агафью Матвеевну Пшеницыну, жену Обломова. Она любит Илью Ильича, не ломая его, как Ольга, не переделывая на свой лад, она вся светится, и даже халат его любит [Холкин 2008]. Кто помнит эту героиню, кто готов поучиться такой любви? Нет, с одной стороны, мешают фантомы Обломова и «обломовщины», а с другой, мы боимся потерять себя, стать «душечками», не хотим растворяться в любимом. Разбирая секреты королевского поведения в сказках Пушкина, написанных, как известно, не для детей, психолог Л.И. Седакова, ставит в пример царевну Лебедь, которая, еще не зная Гвидона, встречает его словами: *Здравствуй, князь ты мой прекрасный!* [Седакова 1998]. Сравним: *Опять приперся? Глаза бы тебя не видели! Давай докладывай, где шлялся?* Царевна Лебедь при князе Гвидоне – украшение, хотя остров, вообще-то, ее заслуга. Важнейшая функция женщины – украшать себя и других, собою украшать жизнь. В другой сказке Ткачиха, Повариха и сватья баба Бабариха делают царю нескончаемые замечания. Ситуация узнаваемая. В романе «Южноамериканский вариант» Сергей Залыгин создает метафору жены-светофора: красный, желтый, зеленый. Мы затрагиваем сейчас достаточно сложный вопрос. И история страны, и профессия, и судьба многих женщин заставляют становиться сильными, самодостаточными, умеющими управлять не только собой, их дочери, естественно,

копируют модель маминго поведения. Но ФИЛОЛОГИЯ (не минздрав!) ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...

Итак, художественная литература может научить любви, если уметь (и учить студентов!) вычитывать глубинные смыслы подчас в самых известных произведениях. На поверхности текста Татьяна Ларина – да, действительно плачет, получив письмо Онегина. Да, будучи в браке, она любит другого. Но вот что интересно: при всем при этом она ведет себя лучше всех(!), она окружена искренним почетом и... отнюдь не несчастна. Мы пересказываем сейчас статью М.А. Кармазинской «Загадка Татьяна»: Пушкин на долгие времена вперед помог нам, влюбленным «всегда не попадая», утешил, подсказав достойное, высшее поведение, понимая, что это по плечу не каждому (не каждой) [Кармазинская 1997]. Школу отношения к мужу раскрывает Джек Лондон в романе «Лунная долина»: «Жена должна воплощать в себе многих женщин. И если вы хотите, чтобы ваш муж вас любил, вы должны воплотить в себе всех женщин на свете. Будьте всегда новой, иной. Пусть на вас всегда сверкает утренняя роса новизны, будьте ярким цветком, который никогда не раскрывается вполне и потому никогда не вянет. Будьте целым садом, полным всегда новых, всегда свежих, всегда неожиданных цветов, и пусть мужчина не воображает, что в этом саду он сорвал последний».

Мы не можем говорить о «тайнстве брака» без разговора о психологии брака, а это по определению драматическая психология, влияющая на интимные отношения, искажающая их. ФОЛЬКЛ.: *Молодой месяц не всю ночь светит; Жизнь на живот – все заживет* (об интимной стороне отношений). РАЗГ.: *Половая жизнь женщины не должна прекращаться никогда. Это наша молодость, это здоровье* (выступление врача-гинеколога перед будущими мамами, окт. 1979 г.). РАЗГ.: *Если женщина любит мужчину, у нее никогда не будет гинекологических заболеваний* (реплика в частном разговоре врача-гинеколога, сент. 2008 г.). Если бы мы не фиксировали реплики, мы и эту последнюю пропустили бы мимо ушей. Но какова мысль врача-профессионала! Женщина любит мужчину, с благодарностью идет на близость, не боясь еще одной беременности! РАЗГ.: *Моя мама говорила: Женщина не должна себя наказывать. У женщины должно быть столько детей, сколько Бог послал*. Это реплика матери пяти взрослых детей, (г. Белгород, 1999 г.), мать которой была из донских казачек. Есть и противоположные высказывания. – *А дети у Вас есть?* (беседу с молодым газовщиком, долго и «трудно» ремонтировавшим колонку). – *Дочь. Это раньше было: много детей... А теперь такая интересная жизнь...* (декабрь 2008 г.). Газовщик интуитивно высказал мысль, о которой не раз писали психологи: эмоционально, то есть для утоления эмоций отцовства и материнства вполне достаточно иметь одного ребенка. И еще одна ловушка: «лучше меньше да лучше». Лучше больше дать одному, лучше что-то сделать для своего карьерного роста... Фантастикой воспринимается рассказ Мариетты Шагинян в воспоминаниях «Человек и время» о ее бабушке, подарившей своему супругу два десятка детей. Благодарный отец заказал знакомому писателю написать о своей жене книгу, и эта книга с фотографиями семейства хранится в Литературном музее г. Еревана.

Что предпочесть: состояться профессионально, увидеть весь мир, поехать, попутешествовать или же предпочесть пеленки, кастрюльки, болезни, прививки, бессонные ночи, вечный страх «его» потерять?

Прекрасный образ РАСТВОРЕНИЯ В МУЖЧИНЕ, служения ему – притом, что уметь оставаться интересной, эмоционально богатой! – создает, когда пипет о своей жене, А.И. Герцен: *Она была богата своими детьми, она была ими знатна, молода*. В

рассказе «Как был куплен лес» Юрий Нагибин писал о графине, любившей композитора П.И. Чайковского и помогавшей ему: «Дело даже не в том, что семнадцатилетняя девушка отважно и вполне сознательно согласилась разделить судьбу непростого и очень взрослого человека Карла фон Мекка, и не в том даже, что, кроме самой Юлии, она дала жизнь еще десятерым, а в том, сколько любви, сил, заботы, волнений излила она на каждого, не растеряв при этом ничего в собственной личности, собственных, непричастных семье и детям интересах» (Ю. Нагибин).

Непростой вопрос, обнажающий конфликт программ: ДЛЯ СЕБЯ – ДЛЯ ДРУГИХ: что самому нести, а что перекладывать на чужие плечи, и когда перекладывать? Вот почему брак в основе своей драматичен, и чем богаче интеллектуально и духовно человек, тем сложнее приспособиться, притереться. РАЗГ.: *Десять лет мы с мужем притирались друг к другу* (реплика музыковеда, жены профессора, матери двоих взрослых детей, 2003 г.). Перовные поверхности, напоминающие берега, изрезанные фиордами, – это не два кирпича соединить... РАЗГ.: *Мы когда вначале с мужем ссорились*, – призналась женщина профессор, – *мама говорила: «О чем ты думаешь? Ты же одна на ветру! Худой плетешок, да опора!»* (сент. 2009 г.). Всего лишь пословица, но пословица, в свое время спасшая от развода и обеспечившая рождение двух, теперь уже взрослых детей.

Семейная жизнь, объясняет прикладная филология на своих примерах, требует смирения, особенно в самом начале общего пути, когда все хрупко, нет опыта, «стажа» семьянина. А дальше? Приведем афоризм В.В. Розанова: *С детьми и горькое сладко*. Не каждый мужчина решится на развод. Во-первых, «лень» опять знакомиться, опять встречаться, ухаживать. Во-вторых, страшно рисковать, наступить на те же самые грабли. В-третьих, свою единственную жизнь обидно признать неудавшейся, стыдно признаться в собственном проигрыше. Кстати, на последнем феномене как раз и держится такая современная болезнь, как «игромания». Сталин отменил не только аборт (после войны нужен был «человеческий материал») – не было тогда и алиментов. И женщины побаивались говорить мужьям то, что теперь говорят безбоязненно, – пишет в своей статье Леонид Гришковец [Гришковец 2006]. Но дело не только в страхе мужчины потерять при разводе все, включая ребенка, и не в психологической готовности женщины на развод, обеспеченный еще и материальной поддержкой бывшего мужа. О распространившихся недопустимых словах и интонациях женщин, жен в ситуациях семейного конфликта в своем письме В. Розанову еще в конце XIX века писал К. Леонтьев. «Мужчина мужчины боится (всякий, хоть до известной степени); у мужчин слова не шутка, – во всех классах общества пощечина, кулак, топор, поединок, – все это помнится очень хорошо. Но нынешние женщины привыкли безнаказанно говорить мужьям, любовникам, братьям, знакомым, даже отцам или воспитателям такие вещи, за которые телесное наказание весьма еще слабое воздействие. Ибо боль от телесного наказания скоро проходит, а боль от некоторых слов бывает так глубока, что десятки лет дает себя, при случае, опять чувствовать. <...> Трудная вещь брак! Труднее монашества...» [Леонтьев 1992].

Полагаем, что об опасности грубых, обидных, обижающих слов и оборотов обязанностей, по-видимому, говорить преподаватель, читая на нефилологических факультетах единственный филологический курс «Русский язык и культура речи». Преподаватель обязан говорить о смирении, об уважительности и благодарности человеку, подарившему тебе крепость и смысл жизни: дом, гнездо, ребенка, семью. Демография связана с психологией куда как тесно (ФОЛЬКЛ. *Бог по силам крест возлагает*), и гинекологических заболеваний не будет не только потому, что женщина

полна желания (а значит и сил!) родить, но и потому, что в доме ее свет, любовь, «малая церковь».

И все-таки родить третьего, четвертого не каждая решится, просто потому, что трудно. Почему трудно? Потому что молоденькая женщина оказалась в ловушке мифа «Молодые должны жить отдельно». «Как в любом, даже самом крохотном государстве должно быть все положенное – от почты до армии, так и в любой семье из трех человек существует незримое штатное расписание со множеством должностей. Добытчик нужен? Прежде всего, без денег не проживешь. Повар? А как же! Педагог-воспитатель? Естественно, раз ребенок. Экономка? Иначе никаких денег не хватит. Умелец? Так ведь не бегать с каждой мелочью по мастерским. Массовик-затейник или по-современному диск-жокей? Без него нельзя – заскучают. Человек с сильным характером? А кто иначе будет решать? Человек с мягким характером? А кто иначе будет мирить?.. Список можно продолжать и продолжать. А всей-то рабсилы на обширный штат – он и она» [Жуховицкий 1986]. Сколько могут взять на себя дедушки и особенно бабушки в сфере тех же пеленок и кастрюлек, если только, помогая, не начнут бить кувалдой непрекращающихся замечаний и едких оценок по непрочному пока еще браку, если не будут обижать молодых! Вот и приходится преподавателю-филологу готовить на перспективу из студентов будущих дедушек и будущих бабушек такой филологической закваски, которая бы обеспечила поддержку их будущей разрастающейся семье.

Следующий этап – зачатие, деликатный момент и величайшая тайна. Обратимся к свидетельствам старины, отнюдь не идеализируя ее. В книге «Исповедь в России XIV XIX вв.» историк М. Корогодина обнаружила следы магических действий в «исповедных» вопросах для женщин: «*Мужа уморила ли отравой?*», «*Дитя в себе растворила? Не пила ли зелия для извержения дитица или не убивала дитя во чреве своем стыда ради?*» [Совинов 2008]. Мы не должны идеализировать прошлое (лучше пытаться создавать такое настоящее, которому могло бы позавидовать прошлое и которому позавидует будущее!). В прошлом бывало всё, всякое бывало. Вспомним описание криминального аборта в «Тихом Доне». Обилие женских смертей при подобных действиях стало одной из причин «возвращения» абортов.

Разумеется, зачатие требует здоровья, сбережения тех же придатков (ФОЛЬКЛ. *Пришел марток – надевай семеро порток*). Но еще важнее – право нерожденного на жизнь. Показательна современная лексика: *планирование* семьи, *завести* ребенка: «Планирование семьи звучит прогрессивно, светло: отрасль планового хозяйства <..> Заметим, детей «заводят», а не «рожают»: это указывает на факультативность того, что составляло смысл жизни всех предыдущих поколений [Гришковец 2006: 234-235]. Припомним пословицы: *Бог дал – Бог и взял. Бог даст его – даст и на него*. Обращаем внимание на «субъекта»: *Бог* дал. «Если вполне здоровая женщина, жсна отказывается родить ребенка, она действительно выступает как человек, насильно захвативший («укравший») то, что ему одному не принадлежит. Она присваивает себе право решать вопрос о БЕССМЕРТИИ, бессмертии не только собственном, но и мужа, и старшего поколения» [Афанасьева 1978]. Какой положительной коннотацией обросло словосочетание «планирование семьи»? Мы отбираем у судьбы право одаривать нас детьми. Увы, не каждому прощается затянувшаяся бездетность.

Один из героев рассказа Андрея Платонова так объясняет рождение очередного ребенка: а чего им в темноте томиться? Не интеллигент чувствует томление не только

нерожденных, но даже еще и не зачатых детей. Вспомним из Анны Ахматовой: «Только руки тоскуют по ноше. / Только плач его слышу во тьме».

А если зачать не получается, поможет ли филолог? Бывает, что и поможет, подсказав, как разблокировать слишком сильное желание, переведя его стрелку на нечто иное, подсказав, как, очень «хотя» ребенка, не очень хотеть. Мы вычитали эту стратегию в повести Евгения Федорова со слов отца, наставляющего сына: «*Детей не бывает, когда мужчина слишком любит женщину. Иаков любил Рахиль более, нежели Лию, и потому Рахиль была неплодна. Тайна сия велика. А еще в Святом писании сказано, что жена дана человеку не для удовлетворения плоти, а как жена. Всему должна быть граница и мера. Не неиствьте. По ночам спите*». Приведем афоризмы из современной прозы. ...*Судьба помогает и дает тогда, когда ты от нее уже ничего не ждешь. Вот когда тебе становится все равно, она говорит: «На!»* (В. Токарева. Перелом). *Нельзя хотеть очень, судьба не любит* (В. Токарева. Система собак). РАЗГ.: *Женщина боится забеременеть, предохраняется, потом решается на ребенка, а организм не может быстро перестроиться, он принял другую программу...* (из беседы в роддоме врача-акушера, отвечавшего на вопросы рожениц, янв. 1980 г.).

Следующий этап – вынашивание ребенка, беременность. ФОЛЬКЛ.: *Не выносиши, не родишь, а выкинешь*. РАЗГ.: *В старообрядческих семьях, как только женщина узнает, что будет мамой, ее мать или свекровь напоминают ей: говори с ним, разговаривай*. А ведь «оно» еще даже не шевелится. Не отсюда ли такие спокойные дети у носителей старообрядческой культуры и такие потом взрослые, которых не снимают с работы даже при самом неблагоприятном политико-экономическом раскладе? (фрагмент из цитированной выше книги Т.М. Афанасьевой). Разумеется, с рождением ребенка общение с ним не должно уменьшаться, что очень важно. Вот цитата из воспоминаний о матери, воспитавшей троих сыновей, в том числе нобелевского лауреата (1983 г.), публициста Элиаса Канетти: «Но слово подбадривало ее, она всегда для всего находила нужное слово, а может, оттого и были те мои годы с ней истинно светлыми, что тогда говорилось обо всем» [Канетти 1990: 158].

Фиксируя реплики врачей-профессионалов, разумеется, мы не все берем, «что по реке плывет». Масса гинекологических проблем у будущих мам обусловила вынужденное признание опытного врача: РАЗГ.: *Я, вообще, считаю, что на ранних стадиях не надо сохранять ребенка во что бы то ни стало* (1993?). Оно, может, и так, и здоровее будут рожденные, но приходится учитывать и другое: тот факт, что само зачатие становится все большей редкостью, в том числе и по причинам загрязнения окружающей среды, резко сократившего даже у здоровых мужчин число сперматозоидов.

Следующий этап – роды, рождение ребенка. Прикладная филология и здесь может сказать свое слово. ХУДОЖ.: *С волной тебя, роженица! / С рассветом, / Тебя, малышка! / С доченькой отец... / С кустом вас всех!* (Егор Исаев). ФОЛЬКЛ.: *Крута гора – родины, да забывчива. Если хочешь легко родить – нужно бездонную бочку водой наполнять* (тренировать мышцы живота еще до супружества!). РАЗГ.: *Я с первым ребенком остерегалась, мамы не было рядом, подсказать некому, рожала двое суток почти, а со вторым решила по-другому: стала ходить на гимнастику, стирала, двигалась – и родила быстро* (Из воспоминаний преподавателя вуза, дек. 2008 г.).

О пользе родов свидетельствует такой исчезнувший сейчас глагол, как «переродить». И вот однажды он приезжает, а бабушка плачет: на работу гонят, заливают печку, молодая – иди работай. Ей было тогда 36 лет. <...> Что только ни делали. Все объездили в округе: и дедов, и бабок знахарок, но болезнь прогрессировала. <...> Больница не помогла, ноги совсем отказали. Семья решила купить бабушке швейную машину и научить ее шить... Но вот кто-то сказал: «Роди, Мария, еще может, переродишь и пойдешь!» И она решилась. И появилась еще пятая Вера. Лежали они в больнице долго, пока Вера не стала подниматься в кровати. Привезли их домой. Стало еще тяжелее всем и моей матери, ведь она старшая, ей девятый год был и она смотрела эту девочку. Помогали ей ее бабушка, ее тети и даже прабабушка, которой было 92 года <...> А бабушка так и осталась сидеть на кровати. Поставили диагноз как приговор: рассеянный склероз спинного и головного мозга. Она была очень доброй к людям: шила им, вязала, писала неграмотным старушкам письма. И так просидела она 42 года, но никогда не отчаивалась (ИМС, И.В.Литвин). Фрагменты семейных родословных здесь и ниже приводятся с согласия авторов на цитацию фрагментов.

– Почему столько кесарят сейчас? Женщины стали такие слабые? – спрашиваю профессора, с которым работаю в одном вузе. – Да нет, бывает, что возиться не хотят! (май 2007 г.). Полезный разговор. Во-первых, я почувствовала еще одну волну запоздалой благодарности к врачам, подходившим ко мне в течение почти суток каждые полчаса. Во-вторых, всеми силами (правдами-неправдами!) надо стараться именно родить. РАЗГ.: – Я спросила врача, а почему моя мама в 37 лет, тоже со слабым зрением, родила без операции? – Тогда не умели так кесарить! (ноябрь 2008). Медицина ушла далеко вперед, тем более будем следить, чтобы не ушло вместе с ней право на естественные роды.

В лингвистике большое распространение получил термин «коннотация» (созначение). Средний возраст первородящей во всем мире в настоящее время достиг отметки в 27 лет. Медицинский термин «старородящая» присваивают роженице с 30 лет, иногда и ранее. Как влияет коннотация этого слова на «планирование» следующих детей, на протекание самих родов, в которых многое определяется эмоциональным настроением роженицы? Не лучше ли внушать каждому: «Пока человек жив – ничего не поздно». Архив семейных родословных, записи разговорного дискурса позволяют найти свидетельства позднего рождения вполне здорового ребенка, свидетельства «одновременного» рождения в семье сына и внука, свидетельства любви, даже баловства маленьких, из которых выросли вполне приличные люди. Нас семеро. Старший брат родился в 1950 году, а я, как самая последняя, – в 1969 году. Меня мама родила в сорок пять лет (ИМС, Л.Н. Афанасьева). Папа родился, когда дедушке было 57 лет, а бабушке 51 год (ИМС, Л.П. Зеленская). Вспоминается сочинение студентки-казашки, мама которой должна была поднимать братьев и сестер и потому вышла замуж поздно, в 38 лет, однако родила десятерых (1977). А поскольку в те годы женщина в декретном отпуске могла находиться только два месяца и бабушка была вынуждена вскоре после родов выйти на работу, дочь (мою маму) она оставляла со своей мамой – прабабушкой Аней, которая в свою очередь тоже на тот момент являлась матерью своего полугодовалого, десятого по счету, сына Владимира. Вот и кормила моя прабабушка грудью сына и внучку, полка бабушка Лида вела уроки в местной школе (ИМС, А.С. Русинов). РАЗГ. Я, когда заходил в лавку, сразу же ложился на пол, бил ногами и просил шоколадку. Интересно, что у меня всегда находились защитники среди

населения (признание профессора, кандидата педагогических наук, ныне проректора одного из украинских вузов окт. 1979 г.).

Следующий этап – начальное материнство, младенчество ребенка. **ФОЛЬКЛ.:** *Носи дитя, пока малое, вырастет – не поносишь.* Эту пословицу мы вычитали из художественного текста в пику устойчивым запугиваниям: *А то привыкнет к рукам!* Еще пословица: *Возись с ребенком, пока маленький – не придется возиться, когда вырастет.* Хорошее предупреждение, чтобы не упал, не обварился, не... не... Есть пословица успокаивающая, снимающая напряжение от объема несделанного: *Ребенка не переделаешь.* Записывая разговоры в родовой палате, исследователь родового дискурса отметила интересный и, к сожалению, распространенный феномен, когда сама мать своим страхом «портит» дитя. **РАЗГ.:** *Сама чтоб не изурочила. Она сама дрожит – дак сама сглазить может, – делится опытом пинежская знахарка <...> ...То и от своей думы может пристать. Своя дума, говорят, всех хуже». [Щепанская 2001].* Глубинная стереоскопическая мудрость: с одной стороны, *Береженого Бог бережет*, с другой: *От своей думы может пристать.*

В художественной литературе можно найти великолепные формулы любви, кстати, помогающие не только на семейном, но и на служебном пространстве бытия. В небольшом рассказе М.М. Пришвина «Обеденный перерыв» мать пятерых детей спрашивают, не трудно ли ей. – Это вы от слабости так говорите, – сказала мать, – а мне самой легко. Мы же с мужем согласно живем, радуемся каждому нашему ребенку, и всех любим ровно, а каждого больше. – Как это? – спросила Дуся. – Очень просто, – ответила мать. – Жизнь идет своим чередом, а сам все чего-то лучшего ждешь, на что-то надеешься: вот он, новелький, и что-нибудь несет же с собой в мир новое – небывалое. И оттого у матерей получается, что всех любишь равно, и каждого больше (Пришвин М.М. Обеденный перерыв).

Найденные филологами свидетельства не самых известных художественных текстов способны помочь осмыслить материнство, ухватить высокий смысл, прячущийся за выматывающими бытовыми заботами. *«И все же, вопреки всему этому, я близка к счастью после рождения сына и дочери! Появление детей – это как бы с просцениума – на сцену! Изменилась душа моя, психея! Не так уж важно, кто и что обо мне скажут. Важно, что я скажу Антону и Соне, чему их научу. Двое детей, как два крыла, поднимали меня выше...»* (Н. Горланова). Произведения современной писательницы Нины Горлановой рассказывают из опыта лично пережитого, как ответом на супружескую неверность стало... рождение третьего, а потом и четвертого ребенка. Из повести Маргариты Хемлин: *Давай напрямик: я хочу ребеночка родить, а ты будто не понимаешь и от меня отворачиваешься. Ведь есть надежда, что нам именно ребенка не хватает, чтобы все стало как раньше. Помнишь, как мы друг друга любили, когда Изя родился, и когда Эммочка, и когда Златолчка с Венчикой...* (Хемлин М. Про Иосифа. Повесть. // Знамя. – 2007. – № 10. – С. 19). Ничто так не сближает супругов, как грудничковый период их нового отпрыска. Во-первых, некогда ссориться. Во-вторых (или тоже во-первых!), это же чудо – твой сын (твоя дочь)! Не наглядеться, не нарадоваться! **РАЗГ.** *Мы с мужем сидим у кровати и смотрим, как она спит. Свекровь ругается: «Лучше чего б поделали! Сидят...» А мы сидим и смотрим...* (июнь 2004).

Художественная литература, причем не только классическая, высвечивает смыслы повседневности. Приведем отрывок из повести Никоная Думбадзе «Белые флаги»: *«То, что другие могут сделать без тебя, нельзя называть делом. Дело – это то, что создано только для тебя одного, то, что должен сделать ты один и никто*

другой. – Какие, например, дела? – Таких не так уж много. Первое – создание семьи, детей...».

Найденные филологами свидетельства родословного дискурса способны помочь преодолевать естественный страх потери ребенка: *Прабабушка Патрихалина Ульяна Марковна – дочь купца-лавочника, происхождением – с территории Западной Украины (по другим данным – Польши), была человеком глубоко верующим (даже при советской власти), за что часто страдала. Обладала силой слова Божьего – была народным целителем. Всю жизнь занималась знахарством и лечением при помощи молитв и трав. Воспитала достойными людьми одиннадцать детей. Сохранила семью в период голода 1933 года (никто тогда не умер от голода). В 1941 году отправилась на фронт четверых сыновей. Каждому дала по иконке («Иисус-спаситель»). Все четверо вернулись в 1945-1946 целыми и невредимыми* (ИМС, А.В. Полунин).

Затронутая в данной статье проблематика связана также с пропагандой здорового образа жизни, и здесь филолог может «сослушать» с чужих высказываний небесполезный материал по здоровьесбережению. РАЗГ.: *Когда делали операцию, мне дали слишком сильную дозу наркоза. Меня так шатало! Я спросила хирурга. Так он сказал, чтобы я мылась полгода простым мылом. Тогда пройдет! И прошло...* (реплика попутчицы в поезде, лет 40, дек. 2005 г.). Рождение детей, здоровьесбережение, спасение нации – это все образует благодарный кластер общих усилий. Много сейчас говорят о патриотическом воспитании, о любви к Родине, но патриотическое воспитание касается и деторождения тоже. Приведем знаковую реплику переехавшей в Белгород со своими пятью детьми армянки в адрес молоденькой соседки с коляской, где спал новорожденный: РАЗГ.: *Молодец! Еще роди. Пусть у тебя будет пять детей. СВОЮ НАЦИЮ НАДО ЛЮБИТЬ!* (авг. 2009 г.).

Требование специализации как условие качества исследовательской деятельности роковым образом сказалось на отставании прикладного вектора развития той или иной науки, в нашем случае – филологии. Если ставить вопрос широко и своеобразно: о контактах филологического знания и современной валеологии, то от филолога требуется навык обращения к свидетельствам и фольклору, и художественного текста, и семейного родословия, и разговорного дискурса. В этом плане можно ставить вопрос о кластерном подходе к решению заявленной проблемы (филология и демография).

Вместе с тем прикладная филология, разумеется, и не может, и не должна, заменять специалистов: медиков, психологов, демографов. Однако помочь улучшить отношение к близким, помочь найти пример достойной судьбы, найти актуальный для личности «здесь-и-сейчас» афоризм, сказать хорошие слова в режиме суггестии, то есть воздействия на языковую личность – это уже непосредственно задача филолога-профессионала. И в этом смысле можно говорить о РАЗВИТИИ КЛАСТЕРНОЙ ФИЛОЛОГИИ, не дублирующей и не подменяющей, естественно, другие науки, но в прикладном векторе усилий по-своему помогающей и им, и социуму.

Литература

Афанасьева Т.М. Толстой и детство. – М.: Знание, 1978. – 60 с. *Богданов К.А.* Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII XIX веков. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с. *Жуховицкий Л.* Цена любви // Новый мир. – 1986. – № 8. – С. 180-196.

Гришковец Л. Квадратура круга? // Иностранная литература. – 2006. – № 12. – С. 233-237.
Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 158.
Кармазинская М.А. Загадка Татьяны // Русская словесность. – 1997. – № 3. – С. 20-24.
Леонтьев К. Письмо В.В. Розанову от 24 мая 1891 г. // Волга. – 1992. – № 1. – С. 123.
Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. / Сост. Е.А. Белоусова. – М.: РГГУ, 2001.
Руднев В. Диалог с безумием. – М.: Аграф, 2005. – 320 с.
Седакова Л.И. Тайны сказок Пушкина. – Люберцы: Изд-во ИМ-Информ, 1998. – 337 с.
Совинов А. Зелья, травы, корешки: «чудодейственные вещи» в повседневной жизни // Знание – сила. – 2008. – № 9. – С. 92, 94, 95.
Сонтаг Сьюзен. Болезнь как метафора // Иностранная литература. – 2003. – № 8. – С. 224-257.
Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1993. – № 1. – С.С.3-16. \$
Фрумкина Р.М. «Спасите наши души...» // Знамя. – 2004. – № 11. – С. 190-198.
Фрумкина Р.М. Вакансия поэта // Новый мир. – 2008. – № 5. – С. 160-167.
Харченко В.К. Современная речь. Монография. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 158 с.
Холкин В.И. Душечка или душа? // Новый мир. – 2008. – № 9. – С. 153-164.
Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: РГГУ, 2001. – С. 248-249.